

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.34.62.003

Проблематика социальных исследований в политической философии Майкла Оукшотта

Федорищев Кирилл Максимович

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9;
e-mail: homo.historiarum@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается роль общественных наук в политической философии английского мыслителя Майкла Оукшотта (1901–1990). Автор отмечает ключевые концепты для понимания значения научного знания у этого философа, определяя идейные и исторические предпосылки формирования Оукшоттовской модели научной деятельности. В результате анализа работ О. Конта и Дж.Ст. Милля, И.В.Гёте, В.ф.Гумбольда и В.Дильтея, автор прослеживает мыслительный путь философа в процессе его поиска ответа на вопрос - как научные и исторические знания связаны друг с другом. Согласно взглядам Оукшотта, научная рефлексия может существовать обособленно от практических задач, ориентируясь лишь на объяснительный характер теории. Таким образом, Майкл Оукшотт выделяет две формы объяснительной рефлексии: *научное исследование* и *историческое исследование*. Автор отмечает существенное влияние, размышлений А. Эддингтона на оформление концепции науки Оукшотта. В результате рассмотрения взглядов Оукшотта на политические исследования, определяются методологические проблемы политологии и пути их разрешения. Оукшотт отмечает: так называемая «политическая теория» не является теорией *политического* в чистом виде, это лишь попытка объяснения; она представляет собой саму форму политической деятельности, нуждающуюся в интерпретации исторически или философски. Когда теоретизирование в политической науке приспособляется к требованиям практики, оно становится частью этой практики и перестаёт ориентироваться на объяснительную ценность.

Для цитирования в научных исследованиях

Федорищев К.М. Проблематика социальных исследований в политической философии Майкла Оукшотта // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 26-32. DOI: 10.34670/AR.2020.34.62.003

Ключевые слова

Майкл Оукшотт, политическое образование, гражданское образование, политическая теория.

Введение

С появлением в XIX в. истории как самостоятельной дисциплины, у философов появилась возможность рассмотреть эпистемологический статус исторического исследования. Однако разработки в этом направлении столкнулись с многообразием характера истории как науки. Существенным барьером стало широкое толкование *истории* как области знания, включавшей в себя с одной стороны вопросы исследования прошлого, с другой - охватывая область человеческого поведения, убеждений, обычаев и даже институтов.

Знаниями, которые к началу XX в. были коллективно определены учёными как «исторические», «антропоцентрические» и «культурные», в наше время занимаются «гуманитарные» и «социальные науки». Важно отметить, что для Оукшотта *наука* - это не только изучение природных явлений, но и любое исследование, требующее общих и систематических знаний, независимо от того, на какой предмет направлен фокус самого исследователя.

Основная часть

Дискуссии вокруг определения роли и места новых научных областей породили разделение на два, принципиально отличающихся друг от друга, лагеря. *Первые*, впечатлённые достижениями естественных наук, рассматривали эти науки как своего рода инструкцию по формированию социальных знаний, а также их оформлению в рамках отдельных наук. Сторонников такого подхода лаконично определили как *позитивистов*. Ключевая задача тех, кто опровергал такой подход, состояла в том, чтобы продемонстрировать возможность эффективного существования исторической формы знания в структуре собственного терминологического аппарата. Таким образом, *анти-позитивисты* стремились сформировать критерии отличия гуманитарных дисциплин от естественных наук.

Позитивисты считали, что поведение человека может быть объяснено посредством инструментария естественных наук: научные обобщения строятся на основе знаний, полученных в результате индукции наблюдаемых фактов, и выражаются в форме общих законов.

Это утверждение является основополагающим в работах О. Конта, разработавшего термин *позитивизм* [Конт, 2003]. В известной степени к этой традиции необходимо причислить и Дж.С. Милля, который утверждал о методологическом единстве естественных и «нравственных» наук [Милль, 2011]. Рассуждения Конта и Милля послужили благоприятным основанием развития альтернативных теорий гуманитарных наук, обозначив отправную точку рассуждений Г.Гадамера и других сторонников герменевтики, выступавших с критикой позитивистской программы. Таким образом, позитивизм определил вектор дискуссий о философии общественных наук середины XX в. в бихевиоризме, теории рационального выбора и когнитивных науках. Как отмечал Т.Нардин: «Одним из доказательств устойчивости позитивизма является факт, что те, кто защищает автономию гуманитарных наук, все ещё маршируют под знаменем антипозитивизма» [Nardin, 2001, с.116].

Рассуждения о возможной самодостаточности исторических исследований были сосредоточены на двух критериях отличия гуманитарных наук от естественных. Во-первых, гуманитарные науки отличаются своей ориентацией на индивида. Идея личности являлась центральной в немецком историческом мышлении XIX в. К слову, *индивидуальность* сущностей

любого рода, является постоянной темой авторов от Гёте и Гумбольдта до Дильтея [Гёте, 1964]. Исследователям истории казалось очевидным, что их предметом является деятельность отдельных людей и характер отдельных событий, институтов, наций и культур. Авторы осуществляли попытки показать отличие естественных наук от гуманитарных посредством определения их различного отношения к индивидуальности. Это утверждение, получило продолжение в предположении В. Винденбальда о «нотическом» характере естественных наук, в то время как исторические науки определялись как «идеографические» [Windelband, 1980, с.165-168]. Согласно рассуждению автора, эмпирические науки можно разделить на такие, которые занимаются обобщениями повторяющихся явлений, формируя тем самым естественные законы, и другие, которые занимается уникальным характером отдельных явлений, осуществляя попытку их описать. Таким образом, различие между естественными и идеографическими науками заключается в том, что первые производят знание посредством формулирования общих законов, вторые – посредством описания конкретных событий. Тем не менее, критики идеи индивидуальности верно подмечали, что многие гуманитарные науки стремятся обобщать изучаемые ими явления.

Для Дильтея, проблема определения гуманитарных наук возникает не только из-за их неопределённости границ научного знания, но также из-за внутреннего разнообразия. В отличие от естественных наук, гуманитарные науки не образуют «логически составленное целое». Некоторые из них обобщают, другие индивидуализируют, однако все они отражают многообразие проблем, так как по-настоящему связаны с практической жизнью [Dilthey, 1989, с. 73].

Как и Дилтей, Оукшотт мало писал на тему естественных наук. Тем не менее, в «*Опыте и его методах*» автор подвергает критике убеждение (распространённое в то время и все ещё поддерживаемое многими философами, учёными и обществоведами), о научном знании как модели всех знаний. В качестве аргумента философ использует тезис Ф. Ницше о том, что наука — это интерпретация, а не описание мира, каким он является «на самом деле» [Nehamas, 1985, с. 65]. Иными словами, «наука» не является синонимом «знания». Это не более чем временная независимая и согласованная внутри система идей, один из множества других способов понимания. С точки зрения научного реализма, отказ Оукшотта от основополагающих требований науки выглядит наивным, неправильным и даже иррациональным. Но для тех, кто отказывается отдавать предпочтение научному знанию как модели всего знания, научный реализм сам по себе наивен и иррационален. Он уподобляется варварскому фундаментализму [Nardin, 2001, с. 111]. Настаивать на том, что единая внешняя реальность является критерием рационального дискурса, значит утверждать, что существует только один такой дискурс: тот, который состоит из формулирования суждений, истинность которых заключается в их соответствии фактам, независимо от их значения.

Согласно рассуждениям Оукшотта, учёные склонны невольно привязываться к какой-то общепринятой и внешне правдоподобной философии науки. Однако определение границ науки (по мнению Оукшотта) – удел философии, отдельные исследователи не достаточно хорошо подготовлены, чтобы заниматься вопросами такого характера.

Разрабатывая собственную концепцию науки, Оукшотт вдохновлялся взглядами учёного Артура Эддингтона, профессора астрономии в Кембридже с 1913 по 1944 годы и рьяного философа- идеалиста. Комментируя в 1926 году одно из сочинений Эддингтона, Оукшотт замечает, что трактовка Эддингтоном физики как науки, способна быть применимой ко всем дисциплинам: «научная концепция вселенной является самой абстрактной из всех концепций,

она представляет собой вселенную, состоящую исключительно из физически измеряемых отношений, а физика - это закрытая система, созданная путём изучения этих отношений» [Needham, 1926, с. 318]. Похожие взгляды на науку как метод разделял и Оукшотт.

Главная отличительная черта научного знания, как подчёркивает Майкл Оукшотт, состоит в том, что идеи являются количественными. Наука подменяет точно определённые понятия категориями здравого смысла, а точные измерения - чувственным опытом. В то время как теоремы устанавливают математические связи между понятиями, наблюдения представляют собой измерения, собранные и определённые в статистических обобщениях. Научные наблюдения и теоретизирование по своей сути являются количественными, потому что общие и воспроизводимые теоремы зависят от однозначных и инвариантных понятий, а также точно измеренных наблюдений. Идеал научного исследования - сделать наблюдение независимым от наблюдателя и сформулировать теоремы с математической точностью.

Согласно философским рассуждениям Оукшотта, наука — это не просто строгая версия здравого смысла. «Наука начинается только тогда, когда мир «вещей», открытый для нас нашими чувствами и восприятием, забыт» [Oakeshott, 1986, с.186]. Таким образом, исследование не является научным, если оно опирается на грубые классификации, которые несмотря на то что помогают в организации мира человеческого опыта, не выводят нас за пределы этого мира. Оукшотт заключает, науку следует отличать от технологии, которая, как и здравый смысл, занимается решением практических задач: «мир научного обобщения — это мир, несведущий как о прошлом, так и о будущем, он ничего не знает об историческом времени и признает время только в своём мире в качестве средства связи своих собственных концепций». Реальность, формируемая научными теориями, является реальностью естественных законов. Наблюдаемые события преобразуются в примеры общих правил, такое преобразование достигается лишь тогда, когда события становятся числами, а исторический нарратив уступает место абстрактным, количественным отношениям.

Таким образом, научное знание является абстрактным и гипотетическим. Наука, как способ понимания, не начинается с конкретных объектов, которые она старается объяснить. Объекты науки определяются научными теориями, они являются «продуктом, а не основой научной мысли» [Oakeshott, 1986, с.190]. Мир таких объектов – не «физический мир» общепринятого понимания, а мир *физики*, абстрактных и часто нелогичных идей, математических конструкций: «мир очищенных, количественных абстракций, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни представить ». С тех пор, как Оукшотт написал эти слова в 1930-х годах, физика и астрономия породили новые «объекты», такие как *черные дыры* и *теория суперструн*. Однако такие понятия — это не названия вещей, а инструменты. Как остроумно подмечает Уиллард Куайн, научная теория постулирует физические объекты, как: «удобных посредников, эпистемологически сопоставимых с богами Гомера» [Quine, 1980, с. 44].

Таким образом, можно утверждать, что наука - это не целое, а множество совокупностей, не способ исследования, а множество отдельных методов. Разнообразие объяснительных парадигм, которые характеризуют физику, химию и биологию, психологию, экономику, более очевидно, чем единство, обусловленное общей приверженностью объективности и научному методу. Однако, по мнению Оукшотта, различия между научными дисциплинами не являются необходимыми или обязательными, они лишь отражают разность предметных областей. Эти различия также обуславливаются *историческими обстоятельствами*. Главным среди этих обстоятельств является искажение научных исследований в соответствии с практическими соображениями: на них влияют приоритеты финансирования, институциональные ограничения

и другие проблемы, не связанные с наукой, таким образом, научные дисциплины редко организуются в соответствии с их собственными теоретическими принципами [Fuller, 1989, с. 33]. В каждой науке следует отличать поиск абстрактного теоретического понимания (объяснительные теории) от усилий по решению практических задач.

Представляется важным отдельно рассмотреть взгляды Оукшотта на политические исследования. Область политологии имеет обособленную идентичность, поскольку она организована как профессия с ассоциациями, журналами, кафедрами и в некоторых случаях – факультетами. Проблемы этой области зачастую объединены их практическим интересом. Но результатом этого накопления исследовательских вопросов является методологическая путаница. Политология может освободиться от модальной двусмысленности, только если отделить объяснительные концепции от тех, которые относятся к нормативным языкам, практикуемых в *политических дебатах*. Оукшотт отмечает: «так называемая «политическая теория» не является теорией *политического* в чистом виде, это лишь попытка объяснения; она представляет собой саму форму политической деятельности, нуждающуюся в интерпретации исторически или философски» [Oakeshott, 1986, с. 34]. Когда теоретизирование в политической науке приспособляется к требованиям практики, оно становится частью этой практики и перестаёт ориентироваться на объяснительную ценность. «Нормативная политическая теория» – это оксюморон. Оукшотт встаёт здесь на сторону позитивистских защитников политической науки против таких герменевтических философов, как Ч. Тейлор и А. Макинтайр [Тейлор, 2001], настаивающих на нормативном характере политической науки.

Учёные могут объяснить землетрясение, используя принципы геологии (которая в свою очередь использует идеи из физики, химии и других естественных наук), и в целом вполне возможно ограничиться лишь этими принципами. Но для объяснения человеческого поведения, исследователю необходимо учитывать саморефлексию акторов, осознание ими собственных действий. Другими словами, самосознание, присущее каждому действию, отличает человеческое поведение от события естественнонаучного. Такая саморефлексия построена на intersubjectивных значениях, составляющих человеческие практики. Таким образом, объяснение носит характер интерпретации. Естественные науки порождают теории, которые сами являются системами смысла, но эти теории игнорируют элемент смысла, присутствующий в объектах, которые они объясняют.

Человеческое поведение, понимаемое как интеллектуальные действия, связанные с другими действиями, которые они производят или которые являются объектами их реакции, состоит из отдельных случаев, связанных друг с другом не причинно-следственными связями, а в виде отношений, которые Оукшотт называет *случайностью*. Исследование, которое стремится обнаружить такие связи, является не научным, а историческим.

Заключение

Согласно теории Оукшотта, понимание человеческого поведения как связанной серии интеллектуальных действий — значит рассматривать эти действия как составляющую часть *беседы* [Oakeshott, 1986, с.105]. Однако, в отличие от вымышленного, религиозного или навязчивого повествования, этот подход не имеет безусловного начала или конца и не предлагает морали или урока. Более того, оно вытекает из вопроса, который сам по себе не является практическим: историк, желающий понять мотивы, «не заинтересован в том, чтобы понять представление просто для того, чтобы ответить на него» [Oakeshott, 1986, с. 106]. Этот

анализ непредвиденных обстоятельств подразумевает понимание истории как особого способа исследования. Такой подход также обеспечивает основу для более общей философии наук о человеке, которая не только признает центральное значение категории *понимание* для предмета этих наук, но и ориентируется на определение человеческих практик как систем смысла. Это концепция, которую Оукшотт начал формулировать в 1920-х годах, окончательно оформив, лишь в 70-х годах.

Библиография

1. Гёте И.-В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. 520 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
3. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. Серия: Выдающиеся мыслители. Ростов-на-Дону: Феникс 2003. 256 с.
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали/ Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384с.
5. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
6. Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас, 2001. № 4 (18).
7. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Selected Works vol.1. Princeton: Princeton University Press, 1989. 544 p.
8. Fuller T. The Voice of Liberal Learning: Michael Oakeshott on Education. New Haven, London, 1989. 169 p.
9. Nardin T. The Philosophy of Michael Oakeshott. University Park, State University of Pennsylvania Press, 2001. 255 p.
10. Needham J. Science, Religion, and Reality // Journal of Theological Studies. 1926. P. 317-319.
11. Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature. Cambridge: Harvard University Press. 1985. 288 p.
12. Oakeshott M. Experience and its Modes. Cambridge University Press, 1986. 368 p.
13. Oakeshott M. On Human Conduct. Oxford, Clarendon Press, 1986. 344 p.
14. Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis, Liberty Press, 1991. 479 p.
15. Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 200 p.
16. Windelband W. History and Natural Science // History and Theory Vol. 19. 1980. P. 165-168.

The problem of social research in the political philosophy of Michael Oakeshott

Kirill M. Fedorishchev

Post-graduate student
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: homo.historiarum@gmail.com

Abstract

The article examines the role of social sciences in the political philosophy of the English thinker Michael Oakeshott (1901–1990). The author notes the key concepts for understanding the meaning of Oakeshott's scientific knowledge, defining the ideological and historical prerequisites for the formation of the Oakeshott model of scientific activity. As a result of the analysis of the works of O. Comte and J.St. Mill, J.W. Goethe, W.F. Humboldt and W. Dilthey, the author traces the philosopher's thought path in the process of his search for an answer to the question - how scientific and historical knowledge are related to each other. According to Oakeshott's views, scientific reflection can exist apart from practical problems, focusing only on the explanatory nature of the

theory. Thus, Michael Oakeshott identifies two forms of explanatory reflection: scientific research and historical research. The author notes the significant influence of A. Eddington's reflections on the design of Oakeshott's concept of science. As a result of considering Oakeshott's views on political research, methodological problems of political science and ways of their solution are determined. Oakeshott notes: the so-called 'political theory' is not a theory of the political in its purest form, it is only an attempt at explanation; it is the very form of political activity that needs to be interpreted historically or philosophically. When theorizing in political science adapts to the demands of practice, it becomes part of that practice and ceases to focus on explanatory value.

For citation

Fedorishchev K.M. (2020) Problematika sotsial'nykh issledovaniy v politicheskoi filosofii Maikla Oukshotta [The problem of social research in the political philosophy of Michael Oakeshott]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (5A), pp. 26-32. DOI: 10.34670/AR.2020.34.62.003

Keywords

Michael Oakeshott, political education, civil education, political theory.

References

1. Goethe I.V. Selected philosophical works. Moscow: Nauka, 1964. 520 p.
2. Humboldt V. Language and Philosophy of Culture. Moscow: Progress, 1985. 448 p.
3. Kont O. The spirit of positive philosophy. A word about positive thinking. Series: Outstanding thinkers. Rostov-on-Don: Phoenix 2003. 256 p.
4. McIntyre A. After virtue: Studies of the theory of morality / Trans. from English V.V. Tselishcheva. Project; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. 384s.
5. Mill J. S. The system of syllogistic and inductive logic: An exposition of the principles of proof in connection with the methods of scientific research. Moscow: LENAND, 2011. 832 p.
6. Taylor Ch. Indecomposable social benefits // Inviolable reserve, 2001. No. 4 (18).
7. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Selected Works vol.1. Princeton: Princeton University Press, 1989. 544 p.
8. Fuller T. The Voice of Liberal Learning: Michael Oakeshott on Education. New Haven, London, 1989. 169 p.
9. Nardin T. The Philosophy of Michael Oakeshott. University Park, State University of Pennsylvania Press, 2001. 255 p.
10. Needham J. Science, Religion, and Reality // Journal of Theological Studies. 1926. P. 317-319.
11. Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature. Cambridge: Harvard University Press. 1985. 288 p.
12. Oakeshott M. Experience and its Modes. Cambridge University Press, 1986. 368 p.
13. Oakeshott M. On Human Conduct. Oxford, Clarendon Press, 1986. 344 p.
14. Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis, Liberty Press, 1991. 479 p.
15. Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 200 p.
16. Windelband W. History and Natural Science // History and Theory Vol. 19. 1980. P. 165-168.